

Дагестан в легендах и преданиях

Сборник
Народный эпос

«Эпоха»

2007

Сборник

Народный эпос / Сборник — «Эпоха», 2007 — (Дагестан в легендах и преданиях)

В сборнике представлены лучшие образцы устного поэтического творчества народов Дагестана – исторические, героические песни, сказания, создававшиеся народным гением на протяжении веков.

Содержание

Душа народа	6
Каменный мальчик	8
Хочбар	13
Парту Патима	20
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Народный эпос: Песни

Проект Издательского дома «Эпоха»

Дагестан в легендах и преданиях

НАРОДНЫЙ ЭПОС

Душа народа

Не пером написана история горских народов – она написана кинжалами, серпами, копытами коней; надмогильными памятниками. Не чернилами написаны горские песни – они написаны слезами и кровью. Народные песни – это и колыбельная – первое, что слышит человек, и похоронный плач – последнее, что звучит над человеком. Песня, которую он уже не слышит. Народные песни – в них страдают влюбленные, погибают герои, ими оплакивают умерших и проклинают врагов. В них борются, трудятся и вечно мечтают о лучшей доле. В них нищие стучат в ворота богачей, скорбят вдовы, готовят месть неотмщенные.

Давно превратились в прах сокровища богачей, а песни – единственное достояние бедняков прошли через сердца десятков поколений и остались нам в наследство. Когда мы слушаем и читаем эти песни, кажется, что наши предки только тела свои отдали смерти, а сердца на вечные времена завещали потомкам. Мы слышим биение этих сердец, их боль и стремление к счастью. Как образно, красиво и смело мыслили безымянные певцы, как точно и лаконично выражали мастера из народа свои чувства.

Каждая из песен, созданных на языках малочисленных народов, имеет свою большую горестную и смелую биографию, схожую с историей жизни певцов. Мы не знаем создателей этих песен, но, наверное, эти люди были похожи и на Коста Хетагурова, и на Кязима Мечиева, и на Сулеймана Стальского, и на Гамзата Цадаса, и на многих других вдохновенных и мудрых певцов наших гор. Наверное, они были похожи на Гомера и Данте, на Шекспира и Пушкина. Наверное, наши певцы были такими же героями, тружениками, как те, о ком они создали свои удивительные песни. Они были, наверное, так же храбры, как Хаджи-Мурат, могучи, как нарты, красивы, как Кама– лил Башир, остроумны, как Молла Насретдин. Одних певцов убивали из– за угла, как Махмуда, других отравляли ядом, как Эльдарилава, третьих в кандалах угоняли в Сибирь, как Ирчи Казака, четвертым выкалывали глаза, как Саиду Кочхюрскому, пятым сшивали губы, как Анхил Марин. Кто они, великие страдальцы? Где их могилы? На какие надгробья нам, благодарным потомкам, возлагать венки любви и благодарности за волшебные песни?

Да, именно волшебные. Не удивительно, что звуками этих песен был очарован поручик Тенгинского полка Лермонтов, а Лев Толстой записывал прозаические пересказы этих песен у своих кунаков в наших аулах и считал, что «песни гор – сокровища поэтические, необычайные».

Эти необычайные сокровища в наши годы становятся достоянием миллионов. Из родных саклей и ущелий они выходят на широкие просторы.

До конца своей недолгой жизни неутомимым собирателем песен горских народов был сын маленького лакского народа, выдающийся советский писатель Эффенди Капиев. Его записные книжки заполнялись и около чабанских костров, и в мастерских лудильщиков, и в саклях ашугов, на свадьбах и похоронах, у очагов и колыбелей. На каждом листке капиевской записной книжки толпились неповторимо точные сравнения, метафоры, афоризмы, от них веяло запахом родной каменистой земли, шумом водопадов, дымом костров на вершинах скал. Он заносил в свои блокноты то, о чем говорили письмена старинных, много повидавших горских кинжалов, надписи суровых могильных камней, слова матерей и влюбленных. «Но коротка жизнь героя», – как говорится в одной из горских песен. Оборвались записи Эффенди Капиева. Яркое пламя быстро гаснет.

Новые поэты, в новых записных книжках с любовью, по-капиевски, продолжают записывать песни народов гор.

Книга, куца вошли переводы песен народностей Дагестана, напоминает многокрасочный, хорошо сотканный кавказский ковер. Когда в этой книге читаешь горские песни, кажется,

что из могил встали наши предки и беседуют между собой у одного очага, обретя общий язык. В этой книге песни разных народов, но им свойственна общая боль, общее горе, надежды и радость.

Поэзия родного народа! Еще в детстве твои звуки запали мне в душу. С тех пор прошли годы, я любил многих поэтов и сам стал писать стихи. Я, бывало, разочаровывался в своих любимцах, ниспровергал одни свои кумиры и на их место водружал другие, я рвал в клочья многие свои стихи, и только любовь к народной поэзии моих гор не угасала. Ты с каждым годом вызывала во мне все большее восхищение и удивление. Каждый раз, когда я слышу твои звуки, мне тепло, как у очага в отцовской сакле, как в горах под буркой во время дождя. Слыша тебя, я слышу мать, поющую мне колыбельную песню, и топот коня, несущего меня в бой. Мне кажется, что твоя песня поет о моей любви и оплакивает мою смерть.

Текут многочисленные реки и ручейки, то широкие, то узкие, то шумные, то спокойные. Различна их глубина, но все они берут начало из горных родников.

Народные песни – это горные родники, откуда берут начало ручейки и реки, сливающиеся в бурном море советской поэзии. И я завидую тем нынешним и будущим певцам моей страны, которые прибавят к песням своего народа хоть одну свою песню.

1980 г.

Расул Гамзатов

Каменный мальчик

Потемнели небеса в тревоге,
Клубы дыма катятся, как выюки,—
То Тимур пирует хромоногий,
Вьючит наше горе, наши муки.

С родниками, что текут издревле,
Кровь смешалась, но исчезла жалость:
Горе матерей – воды дешевле,
Честь невест с речным песком сравнялась.

Разве можно горцам Дагестана
Примириться с горькою годиною?
Разве можно горцам Дагестана

Не вступить в борьбу семьей единой?

У судьбы, как у арбы, – колеса,
Непрестанно времени кружение,
Высоко Тимур-хромец вознесся,
Началось теперь его паденье.

Хоть в аулах горских пусто ныне,
Хоть войска Тимура на вершине, —
Нет лесов, чтоб недругам укрыться,
Нет ключей, чтоб недругам напиться.

Терпкий дым окутал бездорожье,
Зной палящий давит нестерпимо,
Капля влаги – золота дороже,
Жизнь захватчиков – дешевле дыма.

Разметались вдоль долины горной
Недругов шатры, горя, как маки,
Разыщите горные потоки,
С воспаленной кожей вояки.

«Эй, гонцы, – сказал Тимур жестокий,
Разыщите горные потоки,
Эй, верблюдов к родникам отправьте,
Войску воду в бурдюках доставьте!»

Если б в мире не было печали,
Слезы на глазах бы не блистали,
Если б не было воды бесценной,
Не было бы жизни во вселенной...

Жизни нет для воинов Тимура,
Стон в шатрах, сидит властитель хмуро —
Нет воды! Верблюды – пред шатрами:
С мертвыми вернулись бурдюками!

На колени перед грозным шахом
Пал вазир, сказал, объятый страхом:
«Смилуйся, о шах неумолимый,
Никого в ущельях не нашли мы!

Только под утесом-великаном
Встретились мы с глупым мальчуганом
Мальчик пас последнего ягненка,
И спросили мы у пастушонка:

«Где тут к роднику лежит дорога?»
Он молчал, – скрестились наши взоры, —
Только голову он поднял строго,
Словно эти вековые горы».

– «Эй, вазир, – сказал Тимур, вскипая, —
Ты забыл, что голова дурная
Умного меча всегда боится.
Не открыл ты, где родник таится,
Почему же мальчика дурного
Не заставил ты сказать нам слово?»

– «О владыка, смилуйся над нами,
Ты об этом мальчике послушай!
Мы беседовали с ним кнутами
И его же палкою пастушьей,
Но вели мы разговор впустую:
Он упал, но голову дурную
Высоко по-прежнему держал он,
О воде ни слова не сказал он!»

– «Эх, вазир, – сказал Тимур, вставая, —
Ты забыл, что голова дурная
Умного меча всегда боится,
Ты б огнем спалил мальчишке ноги,
Чтобы сразу вспомнил ум убогий,
Где вода желанная струится!»

– «Смилуйся, владыка с мощным станом!
Разговор вели мы с мальчуганом
Пламенем, железом раскаленным —
Не ответил ни слезой, ни стоном.
Может быть, тебе он слово скажет,
Золото ему язык развяжет?»

Перед шатром Тимура-падишаха
Мальчуган стоял, не зная страха.
Он воскликнул, не потупя взгляда:
«Падишах, мне золота не надо!
Если недруг золото предложит,
Сын родную мать продать не может,
Родину продать народ не может!»

Дерзко очи мальчика блистали, —
Приказал их выколоть властитель,
Дерзко речи мальчика звучали, —
Языка лишил его властитель.
Не вода забила ключевая, —
Это кровь горячая вскипела,

И, казалось, гордо умирая,
Землю Дагестана обагрят,
Говорит родник светло и смело:
«Пусть низвергнутся туман и тучи,
Чтоб враги не вышли из ущелий,
Пусть утесы наши станут круче,
Чтоб враги пробраться не сумели!
Пусть в теснине стану я скалою, —
Пред врагом обратный путь закрою!»

Если есть в душе твоей желанье
Горячей, чем пламени пыланье,
То всегда исполнится желанье —
И быстрее, чем пламени пыланье:
Пастушонок стал скалой в теснине, —
Та скала стоит у нас поныне!

Не дано врагам убить вовеки,
Погасить живого сердца пламень,
Не дано врагам свалить вовеки
Мальчика, что превратился в камень.
Если связан ты с родной землею,
Ты, в бою погибнув, стань скалою!

Хочбар

Гонец от аварского хана пришел
Призвать гидатлинца Хочбара в Хунзах.

«Идти ли мне, матушка, в знатный Хунзах?
На свадьбу к себе приглашает нуцал».

– «Не надо, не надо, мой сын, не ходи.
Коварным, как вдовы, нуцалам не верь!»

– «Нет, все же пойду я, – ответил Хочбар,
Не то меня грязный Хунзах засмеет,
Не то меня трусом нуцал назовет».

– «Что ж, если пойдешь ты, – заплакала мать,
Вели побуйней скакуна оседлать.
Свое дорогое оружие надень
И лучшую в доме одежду}' надень.

Коня для нуцала в подарок возьми,
С алмазами перстень для ханши возьми,
Для дочери в дар кисею заверни,
Хунзахцам в подарок быка погони».

Коня для нуцала в подарок нашел,
С алмазами перстень для ханши нашел,
Для дочери в дар кисею завернул,
Хунзахцам в подарок он выбрал быка.

«Неси-ка, жена, мне одежду, неси.
Пока я оденусь, оружие неси,
Пока снаряжусь я, коня оседлай
И, взявшись за стремя, мне сесть пособи».

Так в путь снарядился могучий Хочбар,
Наутро вступил он в высокий Хунзах.

«Салам алейкум, аварский нуцал!»
– «Алейкум салам, гидатлинский Хочбар!
Ты здесь наконец, враг аварцев лихой,
Баранов моих истребляющий волк!
А ну, долгожданный, отдай скакуна,
Я финики в корм приготовил ему.
А ну-ка, а ну-ка, кремневку отдай,
На гвоздь золотой я повешу ее!»

С почетом Хочбара ссадили с коня,
За стремя держа, помогали сойти.
Набросились сзади нукеры толпой —
На каждом предплечье повисло по пять.

И в синие цепи сковали его,
И в тесную яму столкнули его.

Хунзахский глашатай старейшин скликал:
«Рубите дрова, кто отцов потерял,
Носите кизяк, кто сынов потерял,

Раздуйте огонь, кто мужей потерял.

Попался нам в руки разбойный Хочбар,
Костер разведемте, сожжемте врага!»

Рубили дрова, кто отцов потерял,
Носили кизяк, кто сынов потерял,
Вздували огонь, кто мужей потерял,
На длинном хунзахском подъеме костер
Такой развели, что трещала скала.

Потом за Хочбаром послали людей:
«На площадь пойдем, разговор поведем!»

– «Ого, еще как я за вами пойду!
Ого, еще как я к огню подойду!»

От стара до мала собрался аул.
Когда же на площадь явился Хочбар,
Стоял впереди, усмехаясь, нуцал,
Стояли за ним все нукеры его.

«Иди-ка, иди-ка поближе, Хочбар,
Затею беседу, потешим народ».

– «Ого, еще как я к тебе подойду!
Но только не новую речь поведу».

– «Ты, может, споешь нам, могучий Хочбар,
О песнях твоих всюду слава идет».

– «Из песен моих я бы спел вам одну,
Когда бы в руках я держал чагану,
И темные души б я вам осветил,
Когда бы кто руки мне освободил!»

— «Давайте развяжем, пусть песню споет!» —
Так в голос воскликнула вся молодежь.

«Нет, надо покрепче злодея связать», —
Ответили все, как один, старики.

Но вновь молодежь затвердила свое:
«Ужель не мужчины мы! Где наша честь?»

Ведь он безоружен, он голоден, слаб.
На что он способен — поверженный раб?»

Нуцал горделиво кивнул головой.
По знаку его был развязан Хочбар.

Герою тоща чагану принесли.
И разом замолкли хунзахцы вокруг.

«Пустые вершины стоят предо мной,
Не я ли с вершин овец угонял?
Пустые долины лежат подо мной,
Не я ли с долин коней угонял?
Я вижу: сироты кругом собрались,

Не я ль с их отцами рубился в бою?
Здесь в черном старухи на крышах стоят,
Не я ль с их сынами рубился в бою?
Меня б вы узнали, каким бы я был,
Когда бы клинок мой у пояса был!»
Тогда они саблю его принесли,
Сломали клинок и швырнули к ногам.

«Что ж, верный клинок мой, тебя я берег!
Ты многих хунзахцев рубил поперек.
Меня б вы узнали, каким бы я был,
Когда бы кремневку свою я добыл!»

И тотчас кремневку его принесли,
Разбили приклад и швырнули к ногам.

«Ну что же, подруга, был славен наш путь,
Немало хунзахцев ты ранила в грудь.
Тогда б я, хунзахцы, на вас посмотрел,
Когда б на своем скакуне я сидел!»

И вновь подошли, скакуна привели
И ноги коню перебили мечом.

«Что ж, добрый мой конь, ты свое отскакал,
Ты сорок насильников мертвых топтал.
Пощады у хана не стану просить, —
Я все, что задумал, успел совершить!»

— «Скажи-ка, скажи, гидатлинекий Хочбар,
Ты много ль хунзахских героев убил?»

— «Убитых пускай сосчитает нуцал:
Я сотне друзей их оружие раздал».

— «Скажи-ка, скажи, гидатлинский Хочбар,
Ты много ль забрал у хунзахцев коней?»

— «Вы сами считайте, как много забрал,
Но каждому другу я по три раздал».

— «Скажи-ка, скажи, гидатлинский Хочбар,
Ты много ль увел у хунзахцев быков?»

— «Вы сами считайте, как много увел,
Но ими дарил я одиннадцать сел».

— «Скажи-ка, скажи, гидатлинский Хочбар,
Ты много ль угнал у хунзахцев овец?»

— «Вы сами считайте, как много угнал,
А я беднякам их без счету давал!»

— «А ну-ка, заставим Хачбара сплясать,
Пускай он теперь позабавит народ.
А ну-ка, пускай перед смертью своей
Потешит собравшихся этот злодей».

И грянули разом с зурной барабан,
Захлопал в ладоши хунзахский народ,
Смеясь, любовался аварский нуцал,
Плясал у костра гидатлинский Хочбар.

Он трижды по кругу толпу обошел,
Он к детям нуцала легко подошел.
И, в пляске с разбега обоих схватив,
Он бросился с ними в кипящий огонь.

«Ой боже, ой боже, могучий Хочбар! —
Тогда зарыдал, пошатнувшись, нуцал. —
Ой боже, ой боже, спасите детей!» —
Царапая бороду, звал он людей.

«Забуду я все, гидатлинский Хочбар,
Хозяином станешь владений моих.
Отныне не будет насилий и бед,
Но только верни мне очей моих свет!»

— «Валлах, не получишь, коварный нуцал!
Клянусь, что недаром ты жизнь мою взял!
Пощады у вас не к лицу мне просить,
Я все, что задумал, успел совершить.

Визжите, визжите, нуцала щенки!
Еще не ослабли суставы руки,
Эй, громче рыдай, трижды проклятый трус!
Еще не спалило мой тигровый ус!»

С утра до полудня играла зурна:
Попался хунзахцам могучий Хочбар.
С полудня поднялся отчаянный плач:
Два сына нуцала сгорели в огне.

Парту Патима

1

Джигиты за кладбищем копыя метали,
Мечи поднимали, точили клинки,
И звон раздавался железа и стали,
И сабли сверкали, и ярко блистали
Кольчуги, и панцири, и шишаки.

Кинжалы, коснувшись кольчуг, изгибались,

Мечи о щиты ударялись, звеня.
Дрожа, на дыбы скакуны поднимались,
Из панцирей сыпались искры огня.

Парту Патима проходила с кувшином,
Увидела юношей в утренний час.
«Привет недостойна сказать я мужчинам,
Хотя недостойна – приветствую вас!

Зачем вам кинжал – вы идете в сраженье?
Зачем вам кольчуги – вы ждете врагов?
Зачем столько сабель, мечей, шишаков?
К походу готовите вы снаряженье?»

– «Парту Патима, ты привет наш прими,
Да жизнь твоей матери будет отрадной!
Кувшин поскорее с плеча ты сними,
И нас напои ты водою прохладной!»

– «Могу я на землю кувшин опустить,
Могу вас прохладной водой угостить,
Но дайте мне саблю кривую сначала,
Чтоб я вам умение свое показала».

Джигиты слышали эти слова,
Один посмотрел на другого сперва,
Пришли в удивленье джигиты селенья,—
Никто не скрывал своего удивленья.

Заставив плясать под собой скакуна,
Тут выступил юноша статный и ловкий.
Настала внезапно вокруг тишина.
У девушки горской спросил он с издевкой:

«Ужель, Патима, говоришь ты всерьез?
Зачем же джигитов смешишь ты до слез?
Мужчину сразишь ли кинжалом своим?
Коня ты пронзишь ли копьем боевым?
Ты женское слово сравнишь ли с мужским?»

– «Напрасно меня ты вопросами колешь,
Сосед мой, сидящий в седле молодец,
Не думай, спесивый, что ты – удалец,
Смеясь надо мной: «Ты девица всего лишь!»

Вручи мне коня боевого, седок,
Испробовать дай мне дамасский клинок,
Позволь, чтоб на голову шлем я надела,
Прикрыла кольчугой железною тело.

Мой конь будет быстрым конем храбреца,
Клинок будет острым клинком удальца,
Украсится шлемом бойца голова,
Кольчуга сравнится с кольчутою льва!

Тогда-то, в седле горделиво сидящий,
Покажешь мне, всадник ли ты настоящий,
Тогда-то, воитель в кольчуге и шлеме,
Покажешь отвагу' свою перед всеми!»

Сказав, Патима возвратилась домой.
Взволнованы юноши, слов не находят,
А время проходит, а время уходит, —
Примчался, как молния, всадник лихой.

Одет был наездник в броню и забрало,
На сабле египетской солнце играло,
Скакал, точно ветер, скакун вороной,
Сверкал, точно месяц, шишак золотой.

«Привет вам, джигиты, что славой покрыты,
Теперь я могу ли приветствовать вас?
Быть может, гордиться не будут джигиты,
Спесивые речи не скажут сейчас?»

— «Родителя славного дочь молодая,
Как воин ты встречена будешь людьми!
Обидною прежнюю речь не считая,
Парту Патима, ты привет наш прими!»

Парту Патима не сказала ни слова,
Отвага сияла в глазах у нее.
Дамасскую сталь обнажила сурово
И, лихо гарцуя, метнула копье.

«Парту Патима, умоляем, скажи нам:
Мы видели, как ты ходила с кувшином,
Трудилась во время страды полевой,
Но где научилась ты подвигам львиным,
Владеть научилась ты саблей кривой?»

И тут Патима не сказала ни слова,
Клинок убрала, натянув удила,
И, спрыгнув проворно с коня вороного,
К джигиту, что задал вопрос, подошла.

«Давай поиграем, себя позабавим,
Давай испытаем, остер ли клинок.

На небо взлететь скакунов мы заставим,
Попробуем солнца отрезать кусок!»

Тут юноша вышел плечистый и статный,
Он поднял свой щит необъятный, булатный,
Могучею грудью он часто дышал,
Могучею дланью он саблю держал.

Глаза его вспыхнули искрой живою,
Сверкая улыбкой, сидел он в седле,
А лошадь с опущенною головою
Чертила копытами след по земле.

Подобные нармам, закованы в брони,
Сошлись два героя, сошлись для борьбы.
Могучим горам уподобились кони,
Когда они встали, дрожа, на дыбы.

«Теперь, – Патима говорит, – мой черед
Египетской саблей своей замахнулась,
Ударилась сабля о щит, изогнулась,
По сабле джигита без промаха бьет, —
И сабля противника в землю воткнулась.
Красавец джигит побелел от стыда,
Он черные очи потупил тогда,
Он саблю кривую, свой стан наклоня,
Пытался поднять, не слезая с коня.

Но, свесясь с коня, порешила сама
Подать ему саблю Парту Патима.

Внезапно упал ее шлем на поляну,
Рассыпались черные косы по стану.
«Возьми свою саблю», – она говорит,
И шлем подает ей красавец джигит.

Наездница рядом была, недалеко,
А юноша, свой проклиная удел,
На землю сошел и на камень присел,
Поник головою, страдая жестоко,
Сгорая от срама, вздыхая глубоко.

«Прости меня, девушка, я виноват,
Прости меня, был я гордыней объят.
Теперь я увидел, кто истинный воин,
Кто славой героя гордиться достоин!»

– «Соседский джигит, умоляю тебя,
Себя ты не мучай, о прошлом скорбя.
Бывает и так, – ты поверь мне, как другу,
Что волка лягает осел с перепугу».

2

Вернулась домой Патима дорогая,
А мать в это время на крыше сидела,
Трясла она сито, зерно очищая,
И кур отгоняла она то и дело.

«Ой, стыдно мне, люди! Скажи, бога ради,
Зачем ты в мужском щеголяешь наряде?
Найдется ли девушка, чтоб для потехи
Убитого брата надела доспехи?»

– «Ой, мать, не стыдись ты одежды моей,
Ой, милая мать, не стыдись ты людей!
Все девушки наши, все наши подруги,
Как я, надевают стальные кольчуги!»

Соседку отправил джигит к Патиме,
Слова по листку расплескали чернила,
Но всё, что написано было в письме,
Соседка тотчас наизусть заучила.

«Сказать не решаясь, но счастья желая,

К тебе, Патима, с порученьем пришла я.
Он молод, он строен, отважен, пригож,
Средь юношей равных ему не найдешь». —
«Скажи мне, соседка, о ком твоя речь?
Скажи мне, чье сердце могла я привлечь?»

— «Веду об Ахмеде я, доченька, речь,
Чье сердце смогла ты любовью зажечь.
Его ты обрадуй, приди, оживи,
Он гибнет, несчастный, от страстной любви,
Он бредит тобой наяву и во сне,
Он тонет в пучине, сгорает в огне.

О ярко пылающий утренний свет,
Тебе принесла я сердечный привет!
Джигит умирает, приди к изголовью,
Больного своей исцелишь ты любовью!»

Полдневное солнце стояло высоко,
Гонец на дороге неожиданно возник.
С тревогой он прибыл в Кумух издалека,
Как знамя, его развевался башлык.

Покрит был скакун его белой пеной,
И потом, и пылью покрит был гонец.
Принес он известье: с грозой военной
Тимур наступает, железный хромец.

Торопится время, торопится время!
Глашатаи подняли горное племя.
С тревогой во все полетели концы
По маленьким лакским аулам гонцы.

Герои на битву собирались в Кумухе.
Глядели им вслед старики и старухи.
Невесты и жены подарки несли
Защитникам смелым отцовской земли.

В доспехах военных, в кольчуге и шлеме,
Парту Патима появилась пред всеми.
Она прилетела быстрее огня,
Плясать под собой заставляя коня.

«Привет вам, джигиты, идущие биться,
Чтоб землю отцов защищать от врагов!»
– «Привет и тебе, наша смелая львица,

Геройством ты всех превзошла смельчаков!»

За соколом реет орлиная стая,
За девушкой-воином скачет отряд,
Скакун под ней пляшет, гордится, считая,
Что вслед ему с завистью кони глядят.

Торопится время, – в дорогу, в дорогу!
Вдали показалась враждебная рать.
Гонцы понеслись, поднимая тревогу,
Глашатаи стали полки собирать.

С известьем о маленьком горском отряде
К хромоту Тимуру примчался гонец.
Надменно в ответ улыбнулся хромец —
Презрение было в Тимуровом взгляде.

Но вестника выслушал он до конца
И выпучил узкие, острые глазки.
Рукою сжимая клинок свой дамасский,
Властитель ответил на слово гонца:

«Вселенная клич мой услышала бранный,
Пленял я царей, завоевывал страны,
Но вижу впервые отряд пред собой,
За девушкой-воином скачущий в бой!»

Две рати столкнулись, порядки построив,
Как будто упала на гору скала.
Усеялся дол головами героев,
Горячая кровь по земле потекла.

Клинки о щиты ударяться устали,
Друг с другом противники драться устали,
Устали скакать скакуны боевые —
Монгольское войско смутилось впервые.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.